

УДК 94(470.53)''1905/1907''(045)

*С.М. Рязанов***ОБРАЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1905–1907 ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)**

Цель статьи — выявить образ провинциального полицейского в либеральной публицистике времён Первой русской революции. Автором изучен комплекс периодических изданий начала XX в., прежде всего — либеральных газет: «Пермский край», «Уральский край» и «Вятская жизнь». Выявленный идеологический конструкт препарировался с помощью историко-описательного и историко-сравнительного методов исторической науки. В результате сделан вывод о том, что полицейский выставлялся либеральной печатью как ленивый, грубый, склонный к насилию и алкоголизму индивид. Ключевым «мотивом» либеральных изданий было насилие чинов полиции по отношению к ни в чём не повинным людям. При этом «стража порядка» часто представляли иронически и сатирически. В статье впервые рассмотрена проблема образа провинциального полицейского, сформированного либеральной печатью Российской империи на основе обширного блока публикаций, сохранившихся в газетных каталогах и в Государственном архиве Пермского края.

Ключевые слова: Вятская губерния, либерализм, периодическая печать, Пермская губерния, полиция.

Позитивистское и марксистское источниковедение XIX–XX вв. исходило из того, что основная задача историка — выявить за многочисленными субъективными и классовыми напластованиями «подлинный» факт исторической действительности. Однако для современного историка очевидно, что любое устойчивое заблуждение, любой «миф» или «целостная мифологема» обладают не меньшей ценностью и, по большому счёту, являются таким же «фактом» исторической действительности. Причина подобного подхода понятна: политические мифы и идеологемы часто обладают той же, а порой и большей кумулятивностью, нежели объективные явления и процессы. Яркий тому пример — мифы о государственных деятелях: Николае II, великом князе Сергее Александровиче, Г. Е. Распутине, — оказавшие колоссальное влияние не только на историю начала XX в., но и на всю последующую историографию [29, с. 164].

Полиция Российской империи подвергается серьёзному научному изучению на протяжении более полутора веков. Существенный вклад в исследования внёс советский историк Р. С. Мулукаев, создавший целостную концепцию «царской полиции», опираясь на классовую марксистскую теорию. Его подход нашёл дальнейшее развитие в трудах целой плеяды учёных из высших учебных заведений МВД СССР (Т. У. Воробейкова, А. Б. Дубровина, Д. И. Шинджикашвили и др.). Тем не менее, в связи с тем, что многие документы на протяжении советского времени были засекречены, образ полицейского в советской исторической науке формировался преимущественно на материалах публицистики, прежде всего — работ В. И. Ленина. В частности, Т. У. Воробейкова и А. Б. Дубровина на основе трудов «вождя» отмечали, что «вся деятельность полиции в России была основана на нечестности, грубости и рукоприкладстве» [3, с. 32]. Вряд ли подобную оценку полиции можно считать объективной, взвешенной и всесторонней. Другим источником «исторических фактов» для советских исследователей служили работы либеральных учёных-полицистов. Например, Д. И. Шинджикашвили для характеристики полицейской деятельности использует высказывание Н. Селиванова, исследователя второй половины XIX в.: «...Не тому нужно удивляться, что более половины преступлений у нас остаётся не раскрытыми, а тому, что другая половина раскрывается» [33, с. 7]. Далёкое от научного стиля, это ироническое утверждение является скорее «публицистической колкостью», но никак не научным выводом. Таким образом, представление о полицейском в периодической печати Российской империи — это не только исторический, но и историографический «факт», который как самостоятельный феномен пока практически не изучен.

Цель настоящей статьи — восполнение этой «лакуны» в отечественной истории полиции. К сожалению, объём статьи не позволит в полной мере рассмотреть весь политический спектр, поэтому сосредоточимся на одной, в данном случае, *либеральной традиции*. Для достижения поставленной цели представляется необходимым разрешить ряд задач: рассмотреть историографическую и источниковую базу проблемы; «нарисовать» с помощью историко-описательного и историко-системного методов социальный «портрет» полицейского с позиции либеральной периодики; сравнить его с представлениями о полицейском, сложившимися у «правых» и «левых», а также с «образом полицейского» в делопроизводственной документации.

Несмотря на проявлявшийся с конца 1990-х гг. огромный интерес историков к полиции Российской империи, опровержением устоявшихся заблуждений об этом институте исследователи всерьёз занялись лишь в преддверии и в год, когда отмечалось его трехсотлетие в истории России. Например, С. Н. Жаров выступил с критикой представлений о систематическом «попрании прав и свобод человека» полицией рубежа XIX–XX вв. [12]. С. В. Куликов развеял известное заблуждение о петроградских полицейских, якобы стрелявших в дни февральской революции из пулемётов по рабочим-демонстрантам [22]. Наконец, В. Л. Кубышко обратил внимание на стереотипические представления о полиции Российской империи, сложившиеся в отечественной и западной науке [21]. Переходя от разрушения «либеральных мифов» непосредственно к их реконструкции, можно отметить одну единственную работу — монографию А. В. Борисова «Полиция и милиция Российской империи в общественном мнении (начало XVIII в. — октябрь 1917 г.)». Либеральным представлениям о стражах порядка, ретранслирующимся периодической печатью в 1905–1917 гг., посвящена отдельная глава книги. В целом, полагал историк, негативный образ полицейского сложился в демократической литературе и публицистике ещё на предшествующем этапе — во второй половине XIX в. Полицейский наделялся такими качествами, как коррупционное поведение, грубость, низкий образовательный уровень. На основе анализа столичной прессы 1900–1917 гг. автор пришёл к заключению, что, с одной стороны, либеральные газеты отражали действительное недовольство общества властью и полицией; но с другой — усиливали этот антагонизм [1, с. 61].

В данной статье анализируется образ не столичного, а провинциального полицейского, при этом главной опорой послужили материалы не центральной, а местной печати. Хронологические рамки, с одной стороны, ограничены декабрём 1905 г., когда после издания «Временных правил о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. на Урале стали появляться многочисленные либеральные газеты: «Вятская жизнь» (24 декабря 1905 г. — 22 августа 1906 г.), «Уральский край» (1 января 1906 г. — 19 ноября 1918 г.), «Камский край» (19 марта 1906 г. — 29 мая 1907 г.), «Вятский край» (3 мая 1906 г. — 28 ноября 1907 г.) [9]. Большинство изданий, как видим, оказались недолговечными и вскоре под давлением цензурных ограничений, были закрыты; оставшиеся же вынуждены были осторожнее излагать свои мысли. Верхней границей исследования явилось 3 июня 1907 г. как принятая в историографии дата окончания революции. В то же время, при сравнении с работами политических оппонентов либералов, неизбежен был выход за обозначенные рамки.

1905–1907 гг. — время наибольшего интереса периодической печати к проблемам полиции. Связано это было не столько с её реформами, которые одна часть политического спектра считала ненужными, а другая — недостаточными, сколько с ростом числа политических, общеуголовных преступлений и других правонарушений, которые органы правопорядка Российской империи не в силах были прекратить. Как следствие, период революции — это время жестоких нападков на провинциальные органы полиции со всех сторон. Даже официальная газета «Пермские губернские ведомости» не могла удержаться от критики: «За последнее время прямо-таки поражает обилие пьяных мастеровых и рабочих на городских улицах, — возмущался анонимный хроникер. — Рабочие... в пьяном виде устраивают всевозможные скандалы и драки...». После описания конкретного столкновения рабочих 13 июня 1905 г. в г. Перми аноним не забыл добавить, «что городские, будучи в 2 кварталах расстояния от места побоища, ничего не слышали и “ведать не ведали”» [26, с. 2]. Если такое писала «официальная газета», то очевидно, что либеральная печать, как только ей тоже дали возможность высказаться, оценила работу уральской полиции в том же ключе. В декабре 1905 г. местная либеральная газета по поводу хулиганской выходки двух неизвестных в г. Вятке сообщала: «Наша, в настоящее время многочисленная, полиция, была, вероятно, занята более важными поручениями и, конечно, отсутствовала» [5, с. 2]. Уже из приведённой цитаты очевиден сарказм, которым либеральные публицисты и хроникёры почти всегда описывали полицию.

Откровенное иронизирование над «стражами порядка», даже в информационных рубриках явно демонстрирует критическое отношение либералов к полицейским. Однако в то же время «шутливый тон» публикаций во многих случаях не позволяет воспринимать полицейских как врагов. Исследователи Х. Гюнтер, Г. Орлова, В. Б. Петухов и Б. Ф. Поршнева отмечали «демонологичность» «образа врага», его «звероподобную природу» [28, с. 13], тогда как в либеральной публицистике, в большинстве случаев, полицейский предстаёт в роли человека скорее «смешного», нежели «страшного». Это особенно заметно при сравнении образа помощника пристава Мотовилихинского завода С. Ф. Косецкого в газете «Камский край» и в советской публицистике.

Впервые его фамилия появилась в либеральной печати 13 июня 1906 г., в связи с прошедшим накануне обыском в Мотовилихинском отделении Смышляевской библиотеки. Здесь помощник пристава представлен совершенно комично. Мало того, что при обыске «ничего “предосудительного” найдено не было», так ещё и собравшиеся в библиотеке читатели-дети были задержаны полицией и переписаны [15, с. 3]. Неоднократно подчеркивался в статьях «крутой нрав» помощника пристава. Так, 4 июля 1906 г., после освобождения рабочего В. П. Новожилова, С. Ф. Косецкий, мало того, что взял у него подписку о невыезде и об особом надзоре полиции, в обход закона, так ещё и позволил себе обратиться к нему на «ты». Когда В. П. Новожилов сделал помощнику пристава замечание, «расхаживающий по канцелярии, гремя шпорами, помощник пристава К[осецкий] закричал...: “Ты думаешь, что я стану с тобой считаться, дуралей”»?! В ответ рабочий заметил, что полицейский не имеет права ему грубить. С. Ф. Косецкий, «подступая к Новожилову, заорал: “Молчать! Я тебя посажу! Ты недавно сидел, я опять посажу!”». Помимо грубого обращения в вину помощнику пристава «Камский край» ставил рукоприкладство. Так, в статье о случае с В. П. Новожиловым, несмотря на отсутствие указаний на конкретные факты физического насилия, С. Ф. Косецкий назван «известным скулодробителем» [20, с. 2]. В статье об аресте 28 августа 1906 г. в Мотовилихинском заводе четырёх рабочих специально подчеркивалось, что в избиении задержанных личное участие принимал помощник пристава. Заканчивалась же статья дежурной фразой о том, что при обыске «ничего нелегального не нашли» [13, с. 3]. Таким образом, на страницах «Камского края» вместо реального человека — польского дворянина с гимназическим образованием С. Ф. Косецкого выступает некий стереотипический полицейский — грубый и глупый «солдафон», способный лишь избивать «ни в чём не повинных» рабочих, да обижать маленьких детей. Он безусловно может спровоцировать «праведный народный гнев», но явно не в состоянии справиться с революционным движением.

Совсем иначе выглядит С. Ф. Косецкий в очерке большевика А. А. Микова, его убийцы, изданном Пермским истпартаком в 1924 г. В своих воспоминаниях автор ошибочно называет С. Ф. Косецкого приставом Мотовилихинского завода. Намеренная или нет, эта ошибка явно говорит об огромном значении фигуры С. Ф. Косецкого для революционеров Мотовилихи. Все силы реакции персонифицировались для них в нескольких конкретных «предателях и шпионах». И возглавлял этот «почётный» список помощник пристава [23]. В мемуарах А. А. Микова образ С. Ф. Косецкого сильно демонизирован. Не зря большевик вспоминает о том, что революционно настроенные рабочие прозвали полицейского «чёртом». По словам А. А. Микова, «пристав» обладал «личными особенными способностями», позволявшими ему вербовать «малодушных рабочих», «где льстивым увещанием и разными посулами, где просто угрозой ареста и высылкой и т. д.». В дальнейшем из этих людей «пристав Косецкий» воспитал известных «провокаторов-зверей». Причём, говоря о зверствах его «подопечных», А. А. Миков нигде не упоминает, чтобы С. Ф. Косецкий сам прибегал к «грубой силе». Весь завод при С. Ф. Косецком превратился в «сплошную охранку, кишмя кишевшую агентами и провокаторами». И эта шпионская сеть давала свои плоды. Производимые С. Ф. Косецким аресты и обыски носили уже не случайный характер, как до него, а были направлены против конкретных лидеров подпольных организаций. По словам А. А. Микова, С. Ф. Косецкий был «опытным... ликвидатором» и «опасным врагом» рабочих. Большевик даже предполагает, что ранее С. Ф. Косецкий служил в охранном отделении [25, с. 122]. Успешность борьбы с революционным движением в Мотовилихе летом 1906 г. не могла не отметить и либеральная периодика. Теперь аресты проводились по заранее заготовленным спискам: с фамилиями и кличками рабочих. У жандармов нередко имелись даже фотографии подозреваемых. Однако этот успех «Камский край», разумеется, никак не связывал с С. Ф. Косецким и с деятельностью общей полиции, вообще [18, с. 3].

По мнению либералов, общая полиция должна была заниматься «своими делами», а не «лезть в политику». Так, известный общественный деятель А. А. Гурьев в первом же номере «Вятской жизни» отмечал, что почти все вятские полицмейстеры, в течение последних шести лет (то есть Е. И. Волков, А. И. Журавлёв, А. А. Мышкин и др.) «в первую голову» ставили задачу «искоренения» «неблагонадежного элемента». С этой целью они создали даже собственную «шпионскую сеть»: её сыщики из-за конкуренции вступили в «явно враждебные» отношения с жандармерией. «Наши полицмейстеры прямо в Бисмарки годятся», — иронизировал публицист. Пока же вятские полицмейстеры «формировали общественное мнение и высказывали свои предположения относительно политического состояния города», обыватели «ломали шеи на мостовых», так как полиция не следила за тем, чтобы их посыпали песком, похищенное имущество не разыскивалось, а городовые, вместо пребывания на своих постах, в переодетом виде следили за «неблагонадежными лицами» [4, с. 3].

Помимо вмешательства в «политические дела», в образе С. Ф. Косецкого, представленного на страницах «Камского края», легко заметить бессмысленное насилие и грубость по отношению к ни в чём не повинным людям. Данные качества сопровождали полицейских в либеральной печати практически при каждом упоминании. «22-го апреля [1906 г., — С. Р.]... на Морозовской ул[ице] [г. Вятки, — С. Р.] собрались подростки-рабочие; играли на гармониках и боролись, наслаждаясь свежим весенним воздухом... — рассказывала «Вятская жизнь». — Откуда ни возьмись, появились 2 конных блюстителя порядка и патруль солдат. Конечно, ребята врассыпную, но один из подростков был словлен, и избит прикладами и ногайками» [7, с. 3]. Аналогичную историю опубликовал «Камский край». По ложному доносу двое полицейских вечером 16 мая 1906 г. налетели на «мирно игравшую в своём саду компанию рабочих» на Спешиловской улице Мотовилихинского завода, нагнали одного из них, после чего полицейский схватил несчастного за волосы и, несмотря на его мольбы о пощаде, начал топтать и пинать в бок, спину и голову, пока задержанный не потерял сознания. Очнувшегося через пару минут рабочего доставили в полицию околоточному надзирателю И. М. Кузовникову, который собственноручно нанёс окровавленному рабочему ещё два удара. На следующий день, не найдя за задержанным никакой вины, его освободили [19, с. 3]. В этом отношении социалисты были полностью солидарны со своими политическими оппонентами. «Та пьяная компания стражников, что разгуливает сейчас по Очеру и вокруг него, не защитники наши, а злые псы, что кидаются на своих хозяев», — объясняла рабочим листовка Очерского комитета РСДРП, не удосуживаясь указаниями на конкретные факты «полицейского произвола» [24, с. 305]. Позднее, солидарность со своими оппонентами порой выражали даже русские правые. «Пристав Дмоховский при отправлении своих служебных обязанностей с просителями очень груб и держал себя крайне некорректно; кидался, даже дрался. Многие просители плакали» [11, с. 3], — описывала столичная консервативная газета «Гроза» поведение пристава 3 стана Верхотурского уезда. Однако, в отличие от своих политических оппонентов, объяснение грубости полицейского правые находили не в ненормальном политическом строе, а в национальности «пана Дмоховского».

Но в гораздо большей степени для консервативной периодики было характерно «героизирование» полицейских, чего, разумеется, не найти в либеральной и, тем более, социалистической печати. Прежде всего, воспевались полицейские как жертвы политического террора. Всего в 14 томах «Книги русской скорби», издаваемой «Русским народным союзом имени Михаила Архангела» в 1908–1914 гг., представлено 17 уральских полицейских, причём большинство из них — нижние чины. «Теперь на Руси стало легче жить... И знаете, кому больше всего и прежде всего мы обязаны этим? Маленьким, незаметным героям, вот этим убитым городовым, и Семушину в их числе» [2, с. 463], — утверждали авторы биографии полицейского, погибшего от рук террористов 7 августа 1907 г. в г. Вятке. В том же ключе представлялись погибшие от рук террористов полицейские в «официозных газетах». «Пусть общество остаётся равнодушным, что эти незаметные герои массами гибнут, жизнью защищая спокойствие того же общества, они, эти герои, не переведутся» [27, с. 4], — писал о гибели С. Ф. Косецкого на страницах «Пермских губернских ведомостей» известный публицист А. Н. Скугарев. Либеральная печать, как известно, воздерживалась от каких-либо оценок полицейских — жертв террористических актов. Так, со смертью С. Ф. Косецкого газета «Камский край» полностью утратила к нему интерес, ограничившись небольшой заметкой о его убийстве. Даже случайной гибели в тот же день Ш. Х. Фасхутдиновой от спрятанной террористами бомбы было уделено больше внимания [14, с. 3].

Налицо «двойные стандарты» либеральной прессы: убийствам (без суда и следствия) полицейских, не давалось в провинциальной печати какой-либо нравственной или юридической оценки, тогда как превышение полномочий самой полицией выставлялось «несправедливостью» и «попиранием прав народа». Либералы не упускали случая показать полицейского злодеем, даже если он совершил насилие по отношению к животному. «По 1-ой Введенской улице [Нижне-Тагильского завода, — С. Р.] идёт стражник. Собачонки-шавки с громким лаем бросаются на стражника. Он выхватывает из ножен шашку и одной собачке отрубает хвост, — описывал расправу «Уральский край». — Кровь, визг собаки. Плач ребятшек, на глазах которых, изуродовали их верного друга. А он, величавый, совершив гнусное безобразие, идёт дальше». Не ограничившись этим, корреспондент описывал далее зверское убийство заподозренной в бешенстве собаки другим стражником, а также избивание полицейским своей лошади. Разумеется, и новая картина не обошлась без детского плача [32, с. 3].

Другой неизменной чертой полицейского в либеральных газетах было пьянство. «Что “наша” полиция не всегда трезва, это, конечно, всем известно, — презумпировал некто «А. П.», а далее пересказывал следующий анекдотический случай из жизни селения Мотовилихинского завода. — ...Весною полицейский забирал пьяного, хотел схватить его за шиворот, но промахнулся, упал с лошади и заснул, так что пришлось тащить уже не пьяного рабочего, а пьяного охранителя общественного порядка» [19, с. 3]. Чаще всего речь в подобных статьях шла, конечно, о нижних чинах полиции, но «доставалось» и руководящему составу. Так, малмыжского уездного исправника, в № 5 от 30 декабря 1905 г., «Вятская жизнь» прямо назвала «алкоголиком» [6, с. 3]. На пьянство полиции обращали внимание и социалисты [24].

Примечательно, что, описывая в иных заметках не менее грубые нравы самого заводского и сельского населения [30, с. 3], либералы не замечали их генетической связи с правонарушениями полицейской стражи и упорно противопоставляли стражников их «невинным жертвам». Интересно, что в годы революции даже тема коррупции в полиции практически не поднималась либеральной прессой. Всё заслонил образ «своры» стражников, беспричинно избивающих «народ».

Справедливости ради стоит сказать, что среди моря негативных суждений, можно отыскать отдельные позитивные характеристики деятелям полиции. Так, А. А. Гурьев, давая нелюбимую оценку вятским полицмейстерам, делал исключение для Г. Г. Коробицына, который, по его мнению, действительно занимался «своим делом»: очисткой мостков, защитой населения от грабителей и т. д. [4, с. 3]. «Камский край» горячо приветствовал деятельность Мотовилихинского пристава Г. Ф. Сандера по благоустройству селения, устройству народных гуляний, по борьбе с пьянством и организации праздничного отдыха рабочих. Газета ставила в упрек общественности и органам местного самоуправления, что из-за их безынициативности полиция была вынуждена взять на себя их работу [16, с. 2; 17, с. 2]. «Уральская жизнь» приветствовала образование и просвещение не только среди простого народа, но и курсы для полицейских стражников [31, с. 3].

Безусловно в силу политических пристрастий либеральных публицистов многие одиозные случаи в газетах «приукрашивались», «утрировались», а порой и просто сочинялись. Так, урядник Юговского завода резонно опровергал в декабре 1906 г. корреспонденцию «Камского края», «бросающую тень» на его деятельность. В статье отмечалось, что урядником якобы не представляются по принадлежности протоколы о хулиганстве в заводе. Полицейский же заявлял, что с 1 января по 3 декабря 1906 г. составил 105 протоколов, не считая серьёзных побоев и краж, и не вина урядника, что они, в дальнейшем, «залёживались» в волостном суде. В то же время урядник не отрицал, что он не в состоянии прекратить драки и хулиганство в Юговском заводе, особенно среди малолетних, так как полиция не имеет права применять к ним силу. По мнению урядника, отсутствие должного воспитания детей должно бы ставиться в упрек родителям и администрации учебных заведений, а никак не органам охраны правопорядка [10. Ф. 132. Оп. 1. Д. 51. Л. 173–174].

В то же время публикации либеральных газет не были лишь вымыслом и откровенным искажением фактов в угоду пропагандистским целям. Многие высказывания либералов подтверждались официальными документами, если и не прямо, то косвенно. Возьмём как пример одну из наиболее неприятных фигур в истории уральской полиции — М. С. Бутомо. «С дикими криками, в каком-то иступлении, носился он... на крещенском водосвятии, приказывал стражникам перегонять, совершенно бессмысленно и бесцельно, публику с места на место, причём, грозил ей дать “горячих праздничных”...», — таким описывал поведение М. С. Бутомо на посту слободского полицейского надзирателя анонимный корреспондент «Вятской жизни». Перечисляя многочисленные случаи, когда полицейский переходил от угроз к действиям, автор статьи приходил к выводу, что полицейский надзиратель «страдает умственным помешательством» [8, с. 3]. «Помощник пристава г. Ирбита г[осподин] Бутомо в обращении с населением слишком некорректен, — характеризовал чиновника через несколько лет ирбитский уездный исправник П. П. Станов. — Ничем не вызываемое и ничем не оправдываемое, грубое, резкое обращение с публикой заставило ярморочное купечество... обратиться ко мне с просьбой — не назначать г[осподина] Бутомо на дежурство...» [10. Ф. 36. Оп. 10. Д. 671. Л. 63–63об]. Подтверждаются отдельные суждения либеральных корреспондентов и массовыми источниками. На основе просопографического анализа 424 полицейских стражников Пермского уезда, чьи послужные списки отложились в Государственном архиве Пермского края, видно, что четверть из них была уволена «за пьянство», а всего проблемы на службе из-за чрезмерного употребления спиртного имела одна треть [10. Ф. 132. Оп. 3. Д. 79–620].

Таким образом, можно заключить, что либералы, как правило, рисовали полицейских Урала в критических, порой, откровенно сатирических, тонах. Главные «пороки» общей полиции они видели в лености и бездеятельности её чинов по отношению к удовлетворению нужд населения и в то же время — в «чрезмерной» активности против «политически неблагонадёжных лиц». Неотъемлемыми чертами полицейского были грубость и склонность к чрезмерному употреблению спиртного. Красной нитью через все либеральные газеты проходила тема избиений злыми, пьяными полицейскими невинной публики. Все остальные темы отступили в годы революции на второй план. Например, практически не упоминается коррупция в полицейской среде. В то же время либералы положительно оценивали полицейских руководителей, занимавшихся благоустройством селений и борьбой с «неполитическими» правонарушителями. Очевидно, что либералы видели полицию однобоко и предвзято. В то же время их статьи отражали реально существовавшие социальные «язвы», от которых страдал как нижний, так и чиновничий состав полиции российской провинции. И об этом не стоит забывать будущим исследователям. Разрушая одиозные либеральные и советские представления, они рискуют создать новый миф о неких идеальных полицейских, которых в Российской империи никогда не было.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисов А. В.* Полиция и милиция Российской империи в общественном мнении (начало XVIII в. – октябрь 1917 г.): историко-социологическое исследование. М.: Акад. упр-я МВД России, 2010. 111 с.
2. Василий Григорьевич Семушин // Книга русской скорби: Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2013. С. 462–463.
3. *Воробейкова Т. У., Дубровина А. Б.* Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев: КВШ МВД СССР, 1974. 68 с.
4. Вятская жизнь. 1905. 24 дек.
5. Вятская жизнь. 1905. 28 дек.
6. Вятская жизнь. 1905. 30 дек.
7. Вятская жизнь. 1906. 25 апр.
8. Вятская жизнь. 1906. 26 фев.
9. Газеты дореволюционной России 1703–1917: каталог. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2007. 592 с.
10. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
11. Гроза. 1911. 10 фев.
12. *Жаров С. Н.* О соблюдении прав человека при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в Российской империи в конце XIX – начале XX века [Электронный ресурс] // Российская полиция: три века служения отечеству: материалы юбилейной междунар. научно-практич. конф., посвящ. 300-летию рос. полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. 1 электрон. опт. диск. СПб.: Санкт-Петерб. ун-т МВД России, 2018. С. 659–662.
13. Камский край. 1906. 1 сент.
14. Камский край. 1906. 12 окт.
15. Камский край. 1906. 13 июня.
16. Камский край. 1906. 14 июня.
17. Камский край. 1906. 16 июня.
18. Камский край. 1906. 17 июня.
19. Камский край. 1906. 31 мая.
20. Камский край. 1906. 7 июля.
21. *Кубышко В. Л.* Ведомственная и профессионально-практическая психология в контексте 300-летия российской полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 8–13.
22. *Куликов С. В.* Кто стрелял из пулеметов? К вопросу о деятельности петроградской полиции в дни февральской революции 1917 года [Электронный ресурс] // Российская полиция: три века служения отечеству: материалы юбилейной междунар. научно-практич. конф., посвящ. 300-летию рос. полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. 1 электрон. опт. диск. СПб.: Санкт-Петерб. ун-т МВД России, 2018. С. 840–843.
23. Листовка Мотовилихинского районного комитета РСДРП. Конец июля 1906 г. // Листовки пермских большевиков 1901–1917 гг. Пермь: Перм. книжн. изд-во, 1958. С. 309. № 141.
24. Листовка Очерской организации РСДРП к рабочим Очерского и Павловского заводов об объявлении бойкота полиции. Июнь 1906 г. // Листовки пермских большевиков 1901–1917 гг. Пермь: Перм. книжн. изд-во, 1958. С. 304–306. № 138.
25. *Миков А. А.* Пристав Косецкий // Борьба за власть. Т. 2. Годы реакции. Пермь: Изд-во Перм. истапата, 1924. С. 121–124.
26. Пермские губернские ведомости. 1905. 15 июля.

27. Пермские губернские ведомости. 1906. 15 окт.
28. Петухов В. Б. Образы «героя» и «антигероя» в информационном пространстве противодействия терроризму. Ульяновск: УлГТУ, 2014. 400 с.
29. Софьин Д. М. Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М.: Елисаветинско-Сергиевское просветит. об-во, 2016. 240 с.
30. Уральский край. 1906. 27 янв.
31. Уральский край. 1907. 14 марта.
32. Уральский край. 1907. 21 апр.
33. Шинджеликашвили Д. И. Сыскальная полиция царской России в период империализма. Омск: Ом. высш. школа милиции, 1973. 66 с.

Поступила в редакцию 24.08.2018

Рязанов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
E-mail: s_ryazanov@mail.ru

S.M. Ryazanov

**THE IMAGE OF A PROVINCIAL POLICEMAN IN THE LIBERAL JOURNALISM OF 1905–1907
(ON THE MATERIALS OF THE URAL REGION)**

The aim of the article is to reveal the image of a provincial policeman in the liberal journalism during the First Russian Revolution. The author has studied a set of periodicals of the beginning of the 20th century, primarily liberal newspapers: “Permsky Krai”, “Ural Region” and “Vyatka Life”. The revealed ideological construct was prepared with the help of the methods of historical science, first of all historical-systematic and historical-comparative. As a result, it was concluded that a policeman was exposed by the liberal press as a lazy, rude, violent and alcoholic individual. The key “motive” of liberal publications was the violence of police officers towards innocent people. At the same time, the description of a “guardian of order” was often accompanied by ironic and satirical elements. In the article, the problem of the image of a provincial policeman, formed by the liberal press of the Russian empire, is considered for the first time. A whole block of published sources has been put into scientific circulation.

Keywords: Vyatka province, liberalism, periodical press, Perm province, police.

REFERENCES

1. Borisov A. V. Politsiya i militsiya Rossiyskoy imperii v obshchestvennom mnenii (nachalo XVIII v. – oktyabr' 1917 g.): istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie [Police and Militia of the Russian Empire in Public Opinion (the Beginning of the 18 Century – October 1917): Historical and Sociological Research]. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2010, 111 p. (In Russian).
2. Vasilii Grigor'evich Semushin [Vasily Grigoryevich Semushin]. Kniga russkoi skorbi: Pamyatnik russkim patriotam, pogibshim v bor'be s vnutrennim vragom [Russian Grief Book: Monument to Russian Patriots who Died in the Struggle with the Internal Enemy]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2013, pp. 462–463 (In Russian).
3. Vorobeykova T. U., Dubrovina A. B. Preobrazovanie administrativno-politseyskogo apparata, suda i tyuremnoy sistemy Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [Transformation of the Administrative-Police Apparatus, the Court and the Prison System of Russia in the Second Half of the 19 Century]. Kiev, Kiev High School of the MIA USSR Publ., 1974, 68 p. (In Russian).
4. Vyatskaya zhizn' [Vyatka Life], 1905, Dec., 24. (In Russian).
5. Vyatskaya zhizn' [Vyatka Life], 1905, Dec. 28. (In Russian).
6. Vyatskaya zhizn' [Vyatka Life], 1905, Dec., 30. (In Russian).
7. Vyatskaya zhizn' [Vyatka Life], 1906, Apr., 25. (In Russian).
8. Vyatskaya zhizn' [Vyatka Life], 1906, Feb., 26. (In Russian).
9. Gazety dorevolutsionnoy Rossii 1703–1917: katalog [Newspapers of Pre-Revolutionary Russia 1703–1917: Catalog]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2007, 592 p. (In Russian).
10. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia [State Archive of Perm Region] (GAPK) (In Russian).
11. Groza [Thunderstorm], 1911, Feb., 10. (In Russian).
12. Zharov S. N. O soblyudenii prav cheloveka pri osushchestvlenii operativno-rozysknoy deyatelnosti v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka [On the Observance of Human Rights in the Implementation of Operation-

- al-Search Activities in the Russian Empire in the Late 19 – early 20 Century] [Electronic Source]. Rossiyskaya politziya: tri veka sluzheniya otechestvu: materialy yubileynoy mezhdunar. nauchno-praktich. konf., posveshch. 300-letiyu ros. politzii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. [Russian Police: Three Centuries of Service to the Fatherland: Materials of the Jubilee Intern. Scientific and Practical Conf., Dedicated 300th Anniversary of the Police. St. Petersburg. 23–25 Apr. 2018]. 1 electron. opt. disk. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018, pp. 659–662. (In Russian).
13. Kamskii krai [Kama Region], 1906, Sept., 1. (In Russian).
  14. Kamskii krai [Kama Region], 1906, Oct., 12. (In Russian).
  15. Kamskii krai [Kama Region], 1906, June, 13. (In Russian).
  16. Kamskii krai [Kama Region], 1906, June, 14. (In Russian).
  17. Kamskii krai [Kama Region], 1906, June, 16. (In Russian).
  18. Kamskii krai [Kama Region], 1906, June, 17. (In Russian).
  19. Kamskii krai [Kama Region], 1906, May, 31. (In Russian).
  20. Kamskii krai [Kama Region], 1906, June, 7. (In Russian).
  21. *Kubysheko V. L.* Vedomstvennaya i professional'no-prakticheskaya psikhologiya v kontekste 300-letiya rossiyskoy politzii [Departmental and Professional Psychology in the Context of the 300th Anniversary of the Russian Police]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 2, pp. 8–13. (In Russian).
  22. *Kulikov S. V.* Kto strelyal iz pulemetov? K voprosu o deyatel'nosti petrogradskoy politzii v dni fevral'skoy revolyutsii 1917 goda [Who Fired Machine Guns? On the Issue of the Activities of the Petrograd Police in the Days of the February 1917 Revolution] [Electronic source]. Rossiyskaya politziya: tri veka sluzheniya otechestvu: materialy yubileynoy mezhdunar. nauchno-praktich. konf., posveshch. 300-letiyu ros. politzii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g. [Russian Police: Three Centuries of Service to the Fatherland: Materials of the Jubilee Intern. Scientific and Practical Conf., Dedicated 300th Anniversary of the Police. St. Petersburg. 23–25 Apr. 2018]. 1 electron. opt. disk. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018, pp. 840–843. (In Russian).
  23. Listovka Motovilikhinskogo raionnogo komiteta RSDRP. Konets iyulya 1906 g. [Leaflet Motovilikha District Committee of the RSDLP. The end of July 1906]. Listovki permskikh bol'shevikov 1901–1917 gg. [Leaflets of the Perm Bolsheviks 1901–1917]. Perm, Perm Book Press, 1958, p. 309, no. 141. (In Russian).
  24. Listovka Ocherskoi organizatsii RSDRP k rabochim Ocherskogo i Pavlovskogo zavodov ob ob'yavlenii boikota politzii. Iyun' 1906 g. [The Leaflet of the Ocher Organization of the RSDLP to the Workers of the Ocher and Pavlovsky Factories Announcing a Police Boycott. June 1906]. Listovki permskikh bol'shevikov 1901–1917 gg. [Leaflets of the Perm Bolsheviks 1901–1917]. Perm, Perm Book Press, 1958, pp. 304–306, no. 138. (In Russian).
  25. *Mikov A. A.* Pristav Kosetskiy [Bailiff Kosetsky]. Bor'ba za vlast' [Power Struggle], vol. 2. Gody reaktsii [Years of Reaction]. Perm, Perm Ispart Publ., 1924, pp. 121–124. (In Russian).
  26. Permskie gubernskie vedomosti [Perm Provincial Statements], 1905, July, 15. (In Russian).
  27. Permskie gubernskie vedomosti [Perm Provincial Statements], 1906, Oct., 15. (In Russian).
  28. *Petukhov V. B.* Obrazy “geroya” i “antigeroya” v informatsionnom prostranstve protivodeystviya terrorizmu [Images of the “Hero” and “Antihero” in the Information Space of Countering Terrorism]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University Press, 2014, 400 p. (In Russian).
  29. *Sofin D. M.* Velikiy knyaz' Sergey Aleksandrovich: put' russkogo konservatora [Grand Duke Sergei Alexandrovich: the Path of the Russian Conservative]. Moscow, Elisavetino-Sergiev Educational Society Publ., 2016, 240 p. (In Russian).
  30. Ural'skii krai [Ural Region], 1906, Jan., 27. (In Russian).
  31. Ural'skii krai [Ural Region], 1907, Mar., 14. (In Russian).
  32. Ural'skii krai [Ural Region], 1907, Apr., 21. (In Russian).
  33. *Shindzhikashvili D. I.* Sysknaya politziya tsarskoy Rossii v period imperializma [Investigative Police of Tsarist Russia in the Period of Imperialism]. Omsk, Omsk High School of Militia Publ., 1973, 66 p. (In Russian).

Received 24.08.2018

Ryazanov S. M., Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines
Perm Institute of the FPS of Russia
Karpinsky st., 125, Perm, Russia, 614012
E-mail: s_ryazanov@mail.ru